

Гришин Я.Я.,
доктор исторических наук, профессор
Grishin Y.Y.
Doctor of Historical Sciences, Professor

Галиуллин М.З.,
кандидат исторических наук, доцент
Galiullin M.Z.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Туманин В.Е.,
кандидат исторических наук, доцент
Tumanin V.E.
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

**Сентябрьская катастрофа 1939 года и ее истоки.
(по страницам документов) Часть II.**

**The catastrophe of September 1939, and its origins.
(pages of documents) Part II.**

Аннотация

В 2019 г. исполняется восемьдесят лет со дня начала Второй мировой войны и германской агрессии против Польши. Эти события вызывали и вызывают большой интерес. Они являются полем различных и порою диаметрально противоположных интерпретаций, полемики об истоках сентябрьской трагедии.

В польских и зарубежных средствах массовой информации особо поднимается вопрос о польско-советских отношениях, причем в искаженном виде. Истоки и обстоятельства агрессии рейха против Польши, позиция ее западных союзников, которые вопреки обязательствам бросили ее на произвол судьбы, вопросы ответственности польского правительства и санационного лагеря за внешнюю политику, отбрасывающих мысль о примирении с СССР даже в период смертельной опасности для народа – все это, как правило, задвигается в дальний угол, сознательно умалчивается либо искажается в ходе полемики. При этом проявляется забывчивость и игнорирование исторических документов большой важности, хотя многие из

них уже давно опубликованы в различных странах. Это касается и польско-германских отношений в тридцатые годы XX века.

Ключевые слова:

история, международные отношения, региональные исследования, СССР, Польша, Ю. Бек, Н. Чемберлен, московские переговоры.

Summary

In 2019 marks 80 years since the beginning of the Second World war and the German aggression against Poland. These events have caused great interest. They are a field of different and often distinctive interpretations, polemics about the origins of the September tragedy.

In the Polish and foreign media, the issue of Polish-Soviet relations is particularly raised, and in a distorted form. The origins and circumstances of the Reich's aggression against Poland, the position of its Western allies, who, despite their obligations, left it to its own devices, the issues of responsibility of the Polish government and the sanation camp for foreign policy, discarding the idea of reconciliation with the Soviet Union even in a period of mortal danger to the people – all this, as a rule, moves to the far corner, is deliberately concealed or distorted during the polemic. At the same time, forgetfulness and disregard of historical documents of great importance are manifested, although many of them have long been published in various countries. This also applies to Polish-German relations in the 30s of the XX century.

Keywords:

history, international relations, regional studies, USSR, Poland, N. Chamberlain, Moscow negotiations.

Уже первые недели после Мюнхена показали полную безосновательность расчетов тех, кто надеялся на удовлетворение Третьего рейха. Его ближайшей жертвой должна была стать Польша.

24 октября 1938 г. Й. Риббентроп принял польского посла Ю. Липского. Вот что он писал в своих воспоминаниях «после сообщения Ю. Липским нескольких пожеланий своего правительства, касающихся Закарпатской Руси, выразил согласие на их рассмотрение и перешел к большой, главной проблеме (...). Сказал при этом послу, что те проблемы, которые хочу поставить, желательно сохранить между нами, то есть между министром иностранных дел Беком и мной, а также попросил, чтобы сообщил их господину Беку только устно, в противном случае о них могла узнать пресса. Липский согласился. После этого сказал польскому послу, что наступила пора упорядочить все существующие между Германией и Польшей спорные вопросы и привести дело, начатое еще Пилсудским и фюрером, к согласию (...).

Далее представил Липскому следующее:

- 1) город Гданьск возвращается в рейх (Гданьск является немецким, был всегда немецким и немецким останется);
- 2) через «коридор» провести принадлежащую Германии экстерриториальную автостраду, а также экстерриториальную железную дорогу (несколько путей);
- 3) на гданьской территории Польша также получит экстерриториальное шоссе либо автостраду и железнодорожную линию, а также порт;
- 4) Польша получит гарантии дальнейшей возможности продажи своих товаров на гданьской территории;
- 5) оба государства взаимно признают свои границы; в случае необходимости можно будет подписать территориальные гарантии;
- 6) германско-польская декларация будет продлена на 25 лет».

В качестве возможной сферы будущего сотрудничества между двумя странами германский министр иностранных дел назвал совместные действия по колониальным вопросам и вопросам эмиграции евреев из Польши, а также общую политику в отношении России на базе антикоминтерновского пакта [16, s. 13-14].

Ошарашенный Ю. Липский сослался на прошлые высказывания А. Гитлера по вопросу Гданьска и напомнил исторические связи этого города с Речью Посполитой. Риббентроп заявил, что не настаивает на незамедлительном ответе. Послу ничего не оставалось делать, как садиться в поезд и ехать с донесением в Варшаву к своему шефу [19, s. 101].

Как видим, прошло немного времени, а рейх уже представил Польше счет за участие в разделе Чехословакии. Согласие на присоединение Гданьска к Германии ломало Польше позвоночник, экстерриториальная автострада и железная дорога через Поморье должны были, стать петлей на узкой шее польского доступа к морю, вступление в антикоминтерновский пакт ликвидировало один из основных принципов польской внешней политики – неучастие в каких-либо политических или военных блоках.

Выдвижение требований, нацеленных против суверенности и жизненных интересов Польши, означало слом основ внешней политики санационных правительств и подтверждало верность стремления к принципиальному изменению этой политики. Ю. Бек несколько месяцев не информировал никого о германских требованиях. В начале 1939 г. Ю. Бек поехал в Берхтесгаден, где 5 января 1939 г. А. Гитлер подтвердил в разговоре с ним свои прежние требования: «Гданьск является немецким, будет немецким, рано или поздно вернется в Германию» [3].

В то время Польша имела выбор: либо войти в орбиту рейха как сателлит, либо сохранить свой суверенитет, и срочно заняться поиском реальных союзников. Проблема заключалась в том, что после Мюнхена Польша перестала быть субъектом и становилась объектом на европейской политической арене. Ю. Бек не отдавал себе отчета в этом.

Следует обратить внимание на то, что Берлин, разглагольствуя об укреплении германо-польской дружбы, на самом деле стремился подчинить Польшу своему господству.

Патриотические основы польского общества исключали первый вариант. Реализация второго была сильно затруднена политикой санационного руководства Польши, которое всегда видело главного врага в лице советского государства. Оставался лишь расчет на союз с Францией и Великобританией, которые без союза с СССР оказались ненадежными. Но тогдашнее польское правительство и лично министр иностранных дел Ю. Бек не были способны совершить принципиальный политический поворот. Причем уже после того, как Германия выдвинула свои требования, имелась возможность улучшения отношений между Польшей и Советским Союзом. Тем более 26 ноября 1938 г. две страны приняли польско-советское коммюнике, вызвавшее сенсацию в Европе. В нем выражалась готовность сохранения хороших отношений [8, с. 370]. Чуть позднее, 19 февраля 1939 г., Варшава и Москва заключают выгодный торговый договор [22, с. 34-40]. К сожалению это были лишь шаги, за которыми не последовало далеко идущих решений. Более того, во время встречи А. Гитлера с Ю. Беком в Берхтесгадене 5 января 1939 г., последний пояснил фюреру, что «чрезвычайное напряжение в польско-советских отношениях Варшава стремится привести к нормальному состоянию и найти с восточным соседом какой-то «модус вивенди», заверил, что никому не удастся склонить Польшу к тесным связям с Россией» [9].

На следующий день, 6 января, в ходе беседы Ю. Бека уже с Й. Риббентропом в Мюнхене, глава германского МИД вновь предложил польскому коллеге вступить Польше в антикоминтерновский пакт, обещая взамен «признание польских устремлений на Советской Украине (...) при условии, что Варшава усилит свои антироссийские позиции» [6]. Данное предложение, несомненно, не было реалистичным и при этом невыгодным,

хотя бы только вследствие известных планов рейха в отношении Украины [14, s. 91-94].

Было ясно, что после Мюнхена дни Чехословакии были сочтены. 15 марта 1939 г., растоптав все международные договоры и особенно заключенное недавно мюнхенское соглашение, немцы оккупировали остальную территорию Чехословакии, создав из Чехии и Моравии протекторат рейха, а из Словакии марионеточное «независимое государство». Таким образом, Польша была окружена также с юга. Казалось бы, что с польской стороны должна была быть буря возмущения. Увы! Как заявил В. Гжибовский М. Литвинову, «Польша, конечно, не одобряет германских методов, но согласно своим традициям она воздерживается от протестов, когда за ними не могут следовать какие-либо действия» [26, с. 238-239].

Более того, Варшава одновременно с венграми признала независимость Словакии и назначила своего дипломатического представителя в Братиславу. И напрасно. Ведь даже непосвященному было ясно, что Словакия станет наиболее важным в стратегическом плане плацдармом в будущем военном столкновении Германии с Польшей.

За цену вступления Венгрии в антикоминтерновский пакт А. Гитлер согласился на занятие Закарпатской Украины венгерскими войсками. Спустя несколько дней рейх надавил на Литву, чтобы отторгнуть от нее Клайпеду. 23 марта одновременно с вступающими войсками А. Гитлер сам заехал в этот город. В этот же день в Берлине был подписан германо-словацкий договор, фактически подчинивший Словакию Германии.

Давление оказывалось также и на Румынию. Берлин добился подписания 23 марта 1939 г. неравноправного экономического договора, который фактически передавал Румынию под германский контроль.

Гитлер в то время считал, что пришло время получить ясный ответ от Польши по вопросу требований, выдвинутых в октябре 1938 года. Это попытался сделать И. Риббентроп во время встречи с польским послом Ю.

Липским 21 марта, намекая без каких-либо проволочек на окончательное решение «неулаженных вопросов» между Польшей и Германией [19, с. 58-60]. В конечном итоге ответ Польши был отрицательным.

Что повлияло на позицию польского правительства? Очевидно учет мнения польского общества, которое начало сурово оценивать проводимую внешнюю политику, а также надежда на возможную помощь Великобритании. Тем более из Лондона 30 марта пришел запрос, согласится ли Польша, чтобы Н. Чемберлен изложил на следующий день заявление в палате общин о предоставлении ей гарантий в случае германской агрессии. Бек дал согласие на полученное предложение. Премьер Н. Чемберлен в соответствии с этим огласил 31 марта, что «в случае каких-либо военных действий, которые будут угрожать независимости Польше» Великобритания окажет ей «незамедлительную поддержку» [15].

Далее Ю. Бек направился в Лондон, где провел переговоры с Е. Галифаксом и Чемберленом. Переговоры закончились подписанием 6 апреля соглашения о взаимной помощи в случае, если будет непосредственная либо посредственная угроза [5, р. 35-36].

К британской гарантии 13 апреля присоединилось французское правительство. Следует подчеркнуть, что в них не было и речи о гарантировании статус-кво Гданьска.

Естественно у Лондона и Парижа были свои соображения в отношении Польши. Уже в то время они опасались, что последняя может оказаться во враждебном им лагере, пойдя на уступки Германии. Это позволило бы Гитлеру обеспечить безопасность на Востоке и повернуть в первую очередь всю военную мощь на Запад. Естественно Лондон и Париж не хотели допускать этого, признавали необходимость добиться отрыва Польши от рейха и привлечения ее на свою сторону. Вместе с тем они не намерены были оказывать реальную военную помощь Польше в случае нападения. Французский и британские штабы в апреле 1939 г. совместно установили, что судьба Польши будет зависеть не от результатов начатых усилий, а от

конечного результата войны. Следовательно, рассчитывали на ее поражение под ударами Германии. Вместе с тем это означало, что на восточной границе Польши могло произойти столкновение германских и советских войск, которое, раньше или позже, превратилось бы в большой военный фронт [14, s. 92].

Москва внимательно следила за действиями Лондона и Парижа и видела их устремления направить удар Германии против советского государства. В соответствии с этим СССР предупреждал, чтобы не рассчитывали на получение выгоды чужими руками. Вместе с тем Москва подходила дифференцировано к оценке государств. Одно дело агрессивные страны, связанные с военным блоком и антикоминтерновским пактом и нацеленные непосредственно против Советского Союза и другое дело государства неагрессивные, пасующие перед агрессорами и идущим им постоянно на новые уступки [27].

После вторжения германских войск в Чехию и Словакию советское правительство отправило ноту в адрес руководства рейха, в которой осуждало эти действия как «самовольные, опирающиеся на силу и агрессивность», противоречащих международному праву и заявило, что не признает присоединение Чехословакии к Германии.

18 марта 1939 г. британское правительство сделало запрос в адрес Советского Союза о том, как он поступит в случае агрессии Германии против Румынии. В ответ СССР предложил созвать конференцию с участием СССР, Великобритании, Франции, Польши, Румынии и Турции с целью поставить заслон дальнейшим агрессивным шагом.

В Лондоне советское предложение посчитали преждевременным. Вместе с тем британское правительство 21 марта предложило опубликовать общую декларацию странам – потенциальным жертвам агрессии. В соответствии с ней, в случае действий, направленных против их независимости, будут предприняты взаимные консультации по вопросам отпора таким действиям. Несмотря на то, что в декларации отсутствовала

конкретика, советское правительство выразило согласие присоединиться к ней. Однако англичане пошли на попятную, ссылаясь на позиции правительств Польши и Румынии, которые «отказываются включиться в какую-либо комбинацию, если ее участником будет Советский Союз» [17].

17 апреля 1939 г. появилось новое советское предложение – комплексная программа противодействия фашистской угрозе, в которой выделялись три основных позиции: 1) заключение тройственного англо-франко-советского соглашения о взаимной помощи сроком на 5-10 лет; 2) предоставление гарантий независимости и безопасности всем пограничным с СССР странам от Балтийского до Черного моря; 3) одновременно с политическим договором о взаимопомощи подписание военной конвенции [18]. Обратим внимание на второй пункт, который имел особое значение для Польши.

В последовавшей дипломатической переписке Англия и Франция выступили с такими уклончивыми и расплывчатыми вариантами соглашений, что нарком М. Литвинов назвал их издевательскими [21, с. 273].

Речь шла о том, что Лондон и Париж стремились получить от СССР обязательства, без взятия их на себя. Позднее, когда под давлением советской стороны Франция и Великобритания приняли версию договора, предусматривавшего равноправие партнеров, наступил многонедельный спор о том, какие государства следует охватить гарантиями трех государств.

В новом проекте, появившемся 2 июня 1939 г., советская сторона четко указала, каким государствам будут предоставлены гарантии защиты от агрессии: Бельгия, Греция, Турция, Румыния, Польша, Литва, Эстония и Финляндия. Тем временем западные державы долго обговаривали включение в этот список балтийских государств, которые легко могли стать жертвой Германии, а затем плацдармом для нападения на Советский Союз. В конечном итоге западные державы отказались предоставлять гарантии Прибалтике, что в случае агрессии оставляло неприкрытыми северо-западные границы СССР.

Споры продолжались также и вокруг советского предложения об охвате договором также стран «косвенной агрессии». Последняя трактовалась советской стороной «как внутригосударственный переворот или изменения политики в интересах агрессора».

Западные государства ставили искусственно преграды, всячески затягивали принятие итогового варианта договора. Советскую сторону настораживали такие факты, как выдача Германии чехословацкого золота находившегося в Англии (стоимость 6 млн. фунтов стерл.); признание Англией аннексии Клайпеды; доверительные разговоры высланного Н. Чемберленом в Германию в мае 1939 г. депутата-консерватора Друммонд-Вольфа по вопросу займа для Германии и другие попытки «умиротворения Германии»; лондонские беседы посланника Г. Геринга доктора Хельмута Вольтата с министром Х. Вильсоном, который предлагал Германии пакт о неагрессии и сотрудничестве «на больших пространствах Китая и России» [11].

Агрессивные намерения гитлеровской Германии в отношении Польши не вызывали уже никаких сомнений. В конце марта 1939 г. началась антипольская кампания германской прессы и радио по поводу якобы преследования Варшавой немецкого меньшинства. 3 апреля В. Кейтель подписал директиву о нападении на Польшу, а 11 апреля А. Гитлер поставил свою подпись под планом «Вайс» [24, с. 219-224.]. 28 апреля он, выступая в Рейхстаге, заявил о денонсации декларации от 26 января 1934 г. Спустя месяц, 23 мая 1939 г., на совещании высших руководителей вермахта фюрер приказал исполнить план вооруженной агрессии против Польши, при соответствующих политических условиях. Он был убежден, что Польша будет изолирована, т.к. Англия и Франция не выполнят свои обязательства в ее отношении, а польское правительство откажется от советской военной помощи. Обо всем этом Германии было известно на основе информации итальянского посла в Москве, А. Россо. По просьбе посла Шуленбурга он посетил посла В. Гжибовского, который проинформировал его, что «Польша

никогда и ни в какой ситуации не позволит советским войскам войти на ее территорию (...) и не предоставит советской авиации свои аэродромы» [4].

Тем временем Польша стремилась заручиться поддержкой Франции, ведя с ней военные переговоры. Они начались 16 мая 1939 г. в Париже, куда прибыл польский военный министр генерал Т. Каспшыцкий и закончились подписанием заключительного протокола. С французской стороны его подписал начальник Генштаба М. Гамелин. Документ предусматривал, что в случае агрессии Германии на Польшу:

1. Франция приступит сразу же к действиям с помощью французской авиации.

2. Как только часть французских сил будет готова (на третий день), Франция развернет постепенно активные действия.

3. Как только обозначится главная германская цель против Польши, Франция развернет наступательные действия против Германии своими главными силами (начиная с 15 дня) [20, s. 247-250].

Важным было также признание французской стороной Гданьска сферой жизненных интересов Польши. Однако конкретные действия вооруженных сил должны были зависеть от решений, принятых правительствами. Решение откладывали до подписания политического договора, от которого французский министр иностранных дел Ж. Боннэ решил уклониться.

Жизненные интересы Польши требовали опоры на союз с близким и сильным соседом, которому также угрожала Германия, то есть на союз с СССР. Четкие предложения в этом направлении выдвигало советское правительство. Об этом, в частности, говорил заместитель наркома иностранных дел В. Потемкин во время пребывания в Варшаве 10 мая 1939 г. [1, s. 171-172], а также новый народный комиссар иностранных дел В. Молотов в беседе с польским послом В. Гжибовским [1, s. 84].

Бек отвергал участие даже в коллективных оборонительных соглашениях, предлагаемых СССР. На информацию о стараниях Франции получить советские гарантии для Польши, Ю. Бек отреагировал 2 мая острой

депешей в адрес Ю. Лукаевича «Прошу обратить внимание Ж. Боннэ, что даже односторонняя советская гарантийная декларация для нас считалась бы неприемлемой. Так же остерегался бы перед такой формой гарантии для балтийских государств»[1, s. 81].

Выступая в Сейме 5 мая 1939 г. Ю. Бек высказался резко против германских притязаний [2, s. 426-432], но одновременно он отклонил и военную помощь Советского Союза. А ведь Польша была наиболее заинтересована в ней как страна, стоящая на пути первого германского удара, в то время как Советскому Союзу немцы могли непосредственно угрожать в принципе только после военного разгрома Польши.

Создание оборонительной системы с участием СССР могло предотвратить немецкую агрессию. Возможно А. Гитлер не рискнул бы на войну на два фронта, т.к. имел бы против своих приблизительно 110 дивизий 40 польских и 120 советских дивизий на востоке и около 110 французских и британских дивизий на Западе [14, s. 94].

Руководители гитлеровской Германии отдавали себе в этом отчет и делали все, чтобы углубить недоверие между СССР с одной стороны и Англией и Францией – с другой. Этим целям должны были служить тайные переговоры, иницилируемые германской дипломатией с Англией и Советским Союзом. Причем немцы старались, чтобы информация об этих переговорах доходила до потенциальных союзников тех государств и способствовала ухудшению отношений между ними.

Вопреки интригам гитлеровской дипломатии, 25 июля 1939 г. правительства Англии, Франции и СССР достигли согласия, в соответствии с которым было решено начать военные переговоры по вопросу взаимной помощи в случае нападения на них Германии. 27 июля французское и британское правительства выразили согласие на отправку в Москву военных делегации. Время торопило, но представителям Англии и Франции потребовалось много дней для прибытия в Москву, в силу чего переговоры начались только 12 августа 1939 г. Содержание директив правительств для

английской миссии (так же как и французской) свидетельствовало, что их целью не было заключение действительного договора. В этих директивах подчеркивалось, что «британское правительство считает нежелательным брать на себя какие-либо четко определенные обязательства, которые могли бы связать ему руки в какой-либо ситуации». Предписывалось «вести переговоры медленно» так, чтобы переговоры шли до 1 октября и проводить их таким образом, чтобы при этом можно было, как можно больше узнать о боевых способностях советских вооруженных сил [25, с. 22].

В Москве оказалось, что представители Англии и Франции – впрочем, не первые лица – не располагали необходимыми полномочиями для подписания договора. В тоже время советская сторона делегировала на переговоры высший командный состав вооруженных сил, во главе с наркомом обороны К. Ворошиловым, уполномоченным подписать военное соглашение.

Переговоры в Москве шли с 12 по 21 августа 1939 г. Их ход содержится в опубликованных протоколах [12]. Следует подчеркнуть, что ни британская, ни французская делегации не располагали планами использования своих вооруженных сил, не представили конкретных предложений использования советских вооруженных сил в случае немецкой агрессии в Европе. Позиция западных держав была такова, что СССР должен был пассивно ждать, когда немцы расправятся с Польшей и вступать в борьбу только тогда, когда вермахт промарширует через всю Польшу и подойдет к советской западной границе.

В то же время, маршал К. Ворошилов предлагал, чтобы в случае начала фашистской агрессии, Красная Армия заняла определенные участки фронта на границе Восточной Пруссии и в южной Польше, а также в Румынии, где начала бы борьбу с агрессором плечом к плечу с польской и румынской армиями, как в первую мировую войну, когда британская армия, а позднее американская, помогая Франции, заняли определенные участки фронта на ее территории.

Эти предложения свидетельствовали о том, что советское руководство, несмотря на существующую разницу в политическом устройстве двух государств, считало Польшу страной, оборону которого следовало поддержать, польская армия рассматривалась как ценный союзник, который вместе с Красной Армией мог бы поставить заслон гитлеровской агрессии на восточном фронте [14, s. 96]. 14 августа 1939 г. британский посол в Москве В. Сидс телеграфировал в Лондон: «Русские поставили вопрос, от которого зависит успех или провал переговоров» [23, с. 49].

16 августа к советскому предложению свое отношение определила подкомиссия британского комитета начальников штабов трех родов вооруженных сил. Ее рапорт звучал: «Представляется очевидным, что без быстрой и эффективной русской помощи, поляки не имеют надежд на то, чтобы выдержать германское наступление на суше и в воздухе продолжительное время... Если русские будут сотрудничать в отражении германской агрессии против Польши и Румынии, они могут сделать это эффективно только на польской или румынской территории... Заключение договора с Россией представляется нам лучшим средством предотвращения войны. Успешное заключение этого договора будет, без сомнения, поставлено под угрозу, если выдвинутые русскими предложения о сотрудничестве с Польшей и Румынией будут отклонены этими странами. В худшем случае, если переговоры с русскими потерпят крах, возможно русско-германское сближение» [23, с. 50-51].

Подобный взгляд выражал также руководитель французской миссии Думенк. В депешах в Париж он подчеркивал, что оказание конкретной помощи Франции Советским Союзом, который тогда не граничил с Германией, было возможно только посредством действий его вооруженных сил по защите Польши и Румынии. По его мнению, советская сторона «показывает твердую решимость взять на себя все обязательства. С другой стороны, чтобы ослабить предвиденные опасения польского правительства,

четко ограничивает коридоры прохождения советских войск и определяет их исключительно на основе стратегических предпосылок» [10].

Правительства Англии и Франции представили советские предложения польскому правительству. Посол Франции Л. Ноэль и Англии Х. Кеннард обратились к министру Ю. Беку, Л. Ноэль также к маршалу Е. Рыдз-Смиглы, военные атташе к шефу главного штаба В. Стахевичу. В итоге, однако, это давление было не настолько сильным, чтобы повлиять на неизменную негативную позицию Бека. Речь шла о поиске предлога для возложения на польское правительство ответственности за срыв московских переговоров [14, s. 96].

После совещания с президентом И. Мосьцицким и маршалом Е. Смиглы, Ю. Бек проинформировал 20 августа польские дипломатические представительства: «Польшу с Советами никакой военный договор не связывает и у польского правительства нет стремления такой договор заключить». Он особо подчеркнул, что «недопустимо, чтобы эти государства (имелись в виду Великобритания, Франция, СССР) дискутировали о военном использовании территорию другого суверенного государства» [13].

Такая позиция свидетельствовала о безкритичной вере руководителей II Речи Посполитой в помощь и силу западных государств, а также их убеждение, что Польша сама без советской помощи сможет сдержать фронт на востоке [14, s. 97].

Позицию польского правительства не изменило также заверение Э. Даладье (повторенного публично в парламенте 21 августа), что в Варшаву прибудет франко-британская военная миссия, которая будет думать над тем, чтобы советские войска, спешащие на помощь Польше, не задерживались в польских воеводствах, а сразу же направлялись через них к германской границе.

В Москве на переговорах возникла двухдневная пауза. Они возобновились 21 августа 1939 г., но оказалось, что руководители английской и французской миссий еще не имели ответа на поставленный советской

стороной вопрос. В этих условиях руководство СССР пришло к убеждению о бесперспективности дальнейших переговоров, которые были прерваны на неопределенное время. Премьер Э. Даладье предпринял не свойственный для дипломатии шаг: не имея согласия ни польской, ни румынской сторон он выслал 21 августа в 16.15 генералу Думенку телеграфом инструкцию, уполномочивающего его подписать военную конвенцию с Советским Союзом. В ней должно было содержаться право прохода советских войск через т.н. виленский коридор, а в случае необходимости также через юго-восточные территории Польши и через Румынию [3, s. 314-316].

22 августа генерал Думенк обратился к маршалу К. Ворошилову и сообщил, что получил от своего правительства согласие на предложение, поставленное советской делегацией. Однако он не сумел выяснить, что согласны ли на это польское и румынское правительства. К. Ворошилов сказал тогда: «Мы убеждены, что поляки, если бы согласились пропустить советские войска, сами бы захотели принять участие в наших переговорах... Мы поставили элементарные условия. То, о чем мы просили, чтобы было выяснено, ничего нам не дает кроме тяжелых обязательств подтянуть наши войска и биться с общим врагом. Или мы должны упрашивать, чтобы нам было дано право бороться с общим врагом? Английская и французская сторона слишком долго тянули политические и военные переговоры. Поэтому не исключено, что тем временем могут наступить политические события» [10].

В этот же день была опубликована информация о намерении приезда И. Риббентропа в Москву для заключения с СССР Договора о ненападении.

Список источников и литературы

1. Beck J. Ostatni raport. Warszawa: PIW, 1987. 240 s.
2. Beck J. Przemówienia, deklaracje, wywiady. Warszawa: Drukarnia PIOTR PYZ i S-ka, 1938. 458 s.

3. Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy. 1921-1939. Warszawa: PWN, 1970. 421 s.
4. Documents on British Foreign Policy. Ser. D. Vol. VII. Washington, 1956. P. 13.
5. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Third Series. Vol. V. London, 1952. 818 p.
6. Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Series D. Vol. V. Washington 1953. P. 92, 150-161.
7. Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Berlin, 1939. S. 183-185.
8. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. VI. 1933-1938. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. 499 s.
9. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T.VII. Styczeń 1939 - grudzień 1943. Warszawa: Książka i Wiedza, 1973. S. 8.
10. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. VII. S. 182, 189-194.
11. Dokumenty i materiały z przedednia drugiej wojny światowej. T. 1. Warszawa: Książka i Wiedza, 1949. S. 62-67, 112-113.
12. Rokowania wojskowe radziecko-angielsko-francuskie w Moskwie. Protokoły posiedzeń // Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. Warszawa: Prasa-Książka-Ruch, 1986. S. 107-143.
13. Depesza ministra J. Beka do polskich placówek dyplomatycznych // Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. Warszawa: Prasa-Książka-Ruch, 1986. S. 147.
14. Nazarewicz R. U Zródeł tragedii wrześniowej. 1939 // Sprawy Międzynarodowe. 1984. № 9. S. 91-98.
15. Newman S. March 1939: The British Guarantee to Poland. A Study in the Continuity of British Foreign Policy. Oxford: Clarendon Press, 1936. 264 p.
16. Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arenie międzynarodowej: zbiór dokumentów. Warszawa: Państwowy Instytut Naukowy, 1965. 836 s.
17. Sprawy Międzynarodowe. 1969. № 9. S. 118-122.

18. Sprawy Międzynarodowe. 1969. № 10. S. 134.
19. Starzeński P. Trzy lata z Beckiem. Londyn: Polska Fundacja Kulturalna, 1972. 287 s.
20. Wojna obronna Polski. 1939. Wybór źródeł. Warszawa, 1961. 1254 s.
21. Горохов В.Н. История международных отношений. 1918-1939. Курс лекций. М.: Изд-во Моск. ун-та. 2004. 286 с.
22. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII. 1939-1943 гг. М.: Наука, 1973. 509 с.
23. Ржевский О.А. Некоторые материалы о Московских переговорах 1939 г. // Новая и новейшая история 1981. № 4. С. 41-53.
24. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 3. М.: Юрид. литература, 1987. 656 с.
25. Севостьянов П.П. Перед великими испытаниями. Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г. М.: Политиздат, 1981. 367 с.
26. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. М.: Политиздат, 1971. 671 с.
27. Сталин И.В. Доклад на XVIII съезде ВКП(б) // Правда. 1939. 10 марта.

Reference

1. Beck J. Ostatni raport. Warszawa: PIW, 1987. 240 s.
2. Beck J. Przemówienia, deklaracje, wywiady. Warszawa: Drukarnia PIOTR PYZ i S-ka, 1938. 458 s.
3. Ciałowicz J. Polsko-francuski sojusz wojskowy. 1921-1939. Warszawa: PWN, 1970. 421 s.
4. Documents on British Foreign Policy. Ser. D. Vol. VII. Washington, 1956. P. 13.
5. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. Third Series. Vol. V. London, 1952. 818 p.

6. Documents on British Foreign Policy. 1919-1939. Series D. Vol. V. Washington 1953. P. 92, 150-161.
7. Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Berlin, 1939. S. 183-185.
8. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. VI. 1933-1938. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. 499 s.
9. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T.VII. Styczeń 1939 - grudzień 1943. Warszawa: Książka i Wiedza, 1973. S. 8.
10. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich. T. VII. S. 182, 189-194.
11. Dokumenty i materiały z przedednia drugiej wojny światowej. T. 1. Warszawa: Książka i Wiedza, 1949. S. 62-67, 112-113.
12. Rokowania wojskowe radziecko-angielsko-francuskie w Moskwie. Protokoły posiedzeń // Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. Warszawa: Prasa-Książka-Ruch, 1986. S. 107-143.
13. Depesza ministra J. Beka do polskich placówek dyplomatycznych // Międzynarodowe tło agresji Rzeszy Niemieckiej na Polskę w 1939 roku. Warszawa: Prasa-Książka-Ruch, 1986. S. 147.
14. Nazarewicz R. U Zrótł tragedii wrześniowej. 1939 // Sprawy Międzynarodowe. 1984. № 9. S. 91-98.
15. Newman S. March 1939: The British Guarantee to Poland. A Study in the Continuity of British Foreign Policy. Oxford: Clarendon Press, 1936. 264 p.
16. Sprawa polska w czasie drugiej wojny światowej na arene międzynarodowej: zbiór dokumentów. Warszawa: Państwowy Instytut Naukowe, 1965. 836 s.
17. Sprawy Międzynarodowe. 1969. № 9. S. 118-122.
18. Sprawy Międzynarodowe. 1969. № 10. S. 134.
19. Starzeński P. Trzy lata z Beckiem. Londyn: Polska Fundacja Kulturalna, 1972. 287 s.
20. Wojna obronna Polski. 1939. Wybór źródeł. Warszawa, 1961. 1254 s.
21. Gorokhov V.N. History of international relations. 1918-1939. Course lectures. M.: Publ. Mosk. univ. 2004. 286 p.

22. The documents and materials on the history of Polish-Soviet relations. T.VII. 1939-1943. M.: Nauka, 1973. 509 p.
23. Rzhevskiy O.A. Some materials on the Moscow talks 1939 г.// Modern and Current History Journal. 1981. No. 4. - P. 41-53.
24. The Nuremberg trials. Sat. materials. T. 3. M.: Legal literature, 1987. T. 3. 656 p.
25. Sevostianov P.P. Before great challenges. The foreign policy of the Soviet Union on the eve of the Great Patriotic war. September 1939-June 1941. M.: Politizdat, 1981. 367 p.
26. USSR in the struggle for peace on the eve of the Second World War (September 1938-August 1939). Documents and materials. M., Politizdat, 1971. 671 p.
27. Stalin I.V. Report at the XVIII Congress of the CPSU (b) // Pravda. 1939.10 March